

К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВ: АВТОКРАТИЯ КАК ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС ИЛИ РЕЗУЛЬТАТ ИММАНЕНТНОЙ КРИТИКИ МНОГОПАРТИЙНОЙ ДЕМОКРАТИИ?

Миша Джуркович

Институт европейских исследований
(Белград, Сербия)

В статье исследуется социально-политическое наследие русского правоведа и государственного деятеля, обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева, анализируются причины, по которым он выступал в защиту самодержавия и автократии. Обычно неприятие Победоносцевым демократии и активная пропаганда им монархии и имперского самодержавия объясняют особенностями его личности, реакционностью, отсталостью и даже корыстными интересами. В статье обосновывается тезис о том, что Победоносцев был европейски образованным человеком, внимательно следившим за развитием и проблемами западной представительной демократии. Автор показывает, что размышления Победоносцева в этой области были органичной частью общеевропейской интеллектуальной дискуссии о необходимости изменения системы демократии в эпоху массовых партий. Тем самым в статье используется и развивается подход А.Ю. Полунова, утверждавшего, что мировоззрение Победоносцева сложилось под влиянием европейской политической мысли. Рассматривая взгляды Победоносцева в контексте традиции западной критики либеральной демократии, представленной, в частности, в работах М. Острогорского, Х. Беллока и Р. Михельса, опубликованных спустя годы после выхода в свет «Московского сборника», автор приходит к выводу, что идеи русского консерватора сохраняют свою актуальность и в настоящее время, поскольку способствуют пониманию истинной, т.е. агрессивной сути западных демократий, вскрывают закулисные процессы дегуманизации и культурной деградации и предлагают эффективные способы противодействия этим тенденциям.

Ключевые слова: К.П. Победоносцев, либеральная демократия, самодержавие, партийная система, М. Острогорский, Р. Михельс.

The article examines the socio-political legacy of the famous Russian lawyer and statesman, Chief Prosecutor of the Holy Synod Konstantin Petrovich Pobedonostsev (1827–1907), and analyzes the reasons why he strongly advocated the tsar rule and autocracy in Russia. Usually, Pobedonostsev's rejection of democracy and his active propaganda of monarchy and imperial autocracy are explained by the peculiarities of his personality, such as reactionism, backwardness, and even by his own selfish interests. The author of the article substantiates the thesis that Pobedonostsev was a widely educated person in the European context, who closely followed the development and problems of Western representative democracy. The author convincingly shows that Pobedonostsev's reflections in this area were an organic part of the pan-European intellectual discussion about the necessity to change the democratic system in the era of mass parties. Thus, the article relies on and develops the approach of A.Yu. Polunov, who claimed that Pobedonostsev's worldview had been formed under the strong influence of European political thought. Regarding Pobedonostsev's views in the context of the tradition of Western criticism of liberal democracy, which were presented, in particular, in the works of Moisey Ostrogorsky, Hilaire Belloc and Robert Michels, published many years after the publication of the *Moscow Collection*, the author comes to the conclusion that the ideas of the Russian conservative thinker remain rather relevant today, since they contribute to a better understanding of the true, i.e. aggressive essence of the modern Western democracies, reveal the behind-the-scenes processes of dehumanization, cultural degradation and offer effective ways to counteract these tendencies.

Keywords: K.P. Pobedonostsev, liberal representative democracy, autocracy, party system, M. Ostrogorsky, R. Michels.

Константин Победоносцев по сей день остается одним из самых intriguing и интересных деятелей в истории предреволюционной России. О нем написано много, особенно в последние двадцать лет, прежде всего российскими исследователями. Были опубликованы фрагменты его переписки, переизданы его произведения, а также более ранние работы, написанные о нем. Кроме того, вышли в свет монографии, посвященные исследованию жизни Победоносцева и его политических взглядов, деятельности на посту обер-прокурора Синода и т.д. Большое признание как в России, так и на Западе получили весьма ценные и всеобъемлющие работы А.Ю. Полунова [7, с. 31]. Тем не менее, единственной англоязычной монографией о Победоносцеве остается опубликованная в 1968 г. работа Роберта Бирнса [3]; в современных исследованиях повторяются многие прежние стереотипные оценки¹.

При анализе политической мысли Победоносцева ее рассматривают прежде всего во внутрirosсийском контексте. При этом явно не хватает попыток проанализировать ее в контексте общих тенденций европейской политической мысли того времени. Надо признать, что смотреть на западную мысль того времени глазами теории и практики французской Третьей республики или нормативной теории английского парламентаризма не совсем корректно. Наиболее ценные и влиятельные работы этого периода, как и наиболее важные тексты русского консерватора, посвящены критике практики парламентской демократии и многопартийной системы. А.Ю. Полунов одним из первых показал влияние британской и прежде всего французской консервативной мысли XIX в. на формирование, развитие и популяризацию мыслей и произведений Победоносцева в части критики идеи многопартийной демократии [28; 30]. Но он, как кажется, недостаточно знаком с работами политологов и социологов, которые в период с 1896 по 1925 гг. раскрыли проблемы многопартийной демократии и описали процесс ее превращения в простую форму. Этот контекст взглядов Победоносцева требует осмысления.

Победоносцев, как мы покажем в этой статье, был одним из тех, кто очень внимательно следил за развитием политической мысли, и был одним из первых в европейской политической мысли, кто представил подробную, реалистичную и аргументированную критику отчуждения и дисфункциональности многопартийной системы либеральной демократии. Понятно, что мотивом Победоносцева была защита российской системы самоуправления и предотвращение разделения государства и церкви². Но эта нормативная позиция и мотив никоим образом не умаляют ценности анализа механизмов отчуждения и коррупции западной политической системы, который он провел. Предметом данной статьи является именно контекстуализация взглядов Победоносцева и его критика неправильного функционирования многопартийной системы, т.е. ее декон-

¹ Замечу, что у меня не было возможности ознакомиться с немецкоязычными работами.

² Хотя можно утверждать и наоборот, что пропаганда автократии является логическим следствием проблем, созданных западной системой, как утверждает Полунов [29, с. 113–114].

струкция. Иными словами, мы помещаем взгляды Победоносцева в более широкий европейский контекст, чтобы по-другому оценить его идеи и интеллектуальный вклад. Не секрет, что до сих пор очень мало исследователей считают работы Победоносцева актуальными и важными для понимания недостатков многопартийной системы представительной демократии [напр., 22]. Основой для анализа послужило его выдающееся произведение «Московский сборник», опубликованное в 1896 г.

* * *

В наше время социальных сетей, цифровизации, трансгуманизма, массовых пандемий, распространения слежки как в аналоговом, так и в цифровом мирах, постоянных экономических кризисов и кардинальных изменений мирового порядка, несомненно, нужно еще раз пересмотреть оправданность и устойчивость многопартийной системы либеральной демократии. В течение последних двух столетий с момента появления системы представительной демократии вместе с распространением избирательных прав периодически, раз в три-четыре десятилетия, возникал своего рода кризис этой системы. Но первая по-настоящему крупная научная дискуссия и анализ существенных проблем представительной демократии состоялись в конце XIX и начале XX в., когда в ведущих странах Запада уже произошло массовое расширение избирательных прав на все части населения, за исключением женщин и чернокожих в США. Именно тогда политические права получили рабочие и крестьяне, и на сцену вышла массовая демократия. Классические либералы, долгое время защищавшие имущественные ограничения избирательных прав, потерпели поражение благодаря совместным усилиям социалистов и консерваторов типа Бенджамина Дизраэли, которые по разным причинам в равной степени поддерживали расширение избирательного права.

Большинство аргументов, сформулированных в то время, и проблемы, наблюдавшиеся в функционировании и прежде всего в эксплуатации воображаемой нормативной системы выборной демократии, актуальны и сегодня. Во времена цифровизации, социального кредита, социальных сетей, когда только Google и Meta¹ контролируют половину мирового рынка цифрового маркетинга и когда частные корпорации почти монополизируют контроль над все большим количеством аспектов жизни, включая партийную политику, появляются новые идеи и новые формы анализа. Возможности, инструменты и приемы манипулирования, которые превращают многопартийную политику в фасад, неолиберальную демократию, авторитарную систему или что-то подобное, фантастически выросли. В первую очередь это относится к бихевиористскому подходу к анализу предпочтений потребителей и избирателей и руководству ими. Однако основы исследования отчуждения были заложены именно в эпоху, когда работал Победоносцев, и поэтому его следует считать одним из пионеров такого рода анализа.

¹ Компания Meta, владелец социальных сетей Facebook и Instagram, признана в России экстремистской организацией и запрещена.

Кажется, лучшую систематизацию происходящих в то время процессов дал Карл Шмитт в «Духовно-исторической позиции современного парламентаризма» [12]. Эта небольшая, но блестяще написанная книга, вышедшая в 1923 г., во вступительной части второго издания 1926 г. не только определяет и перечисляет все важнейшие элементы критики, но и воспроизводит основные идеи уже тогда признанных каноническими работ, критикующих парламентскую демократию, положивших начало этой дискуссии и по сей день составляющих основу анализа и критики искажений системы парламентской многопартийной демократии. Среди этих работ, конечно, книга Моисея Острогорского 1902 г. о партиях в современной демократии [23; 14], далее, яркое автобиографическое свидетельство Хилэра Беллока, написанное совместно с Сесилом Честертонем и опубликованное в 1911 г. под названием «Партийная система» [16], и, наконец, самая известная и наиболее цитируемая монография Роберта Михельса «Социология партий в современной демократии» [9], опубликованная в том же году и известная широким массам прежде всего благодаря сформулированному в ней «железному закону олигархии».

В этих работах отмечалось огромное значение лидеров и партийных элит, т.е. олигархии, и приводилось описание реальной внутрипартийной и межпартийной жизни с избирательными кампаниями, манипуляциями, коррупцией, продажей должностей, и т.д. Как отмечает Шмитт, эти книги «разрушили многие парламентские и демократические иллюзии, не отделив точнее одно от другого. И несоциалисты, наконец, осознали связь прессы, партии и капитала» [12, с. 162–163].

В обширной сноске приведены работы немецких авторов, опубликованные с 1921 по 1925 гг., которые, как и исследование Шмитта, открыли масштабную дискуссию о кризисе демократии и многопартийности как системы с особым упором, конечно, на состояние этих институтов в Веймарской республике. Указаны произведения Ж. Бонне, Г. Ландауэра, Томаса, К. Лёвенштейна и, конечно, работы О. Шпенглера.

Излюбленным примером истинного небуржуазного анархиста, идущего до самых основ разрушения всех социальных институтов, включая семью, из русских мыслителей для Шмитт является М.А. Бакунин, а Л.Д. Троцкий ему интересен в контексте критики социал-демократической концепции К. Каутского и наступления на масонство на конгрессе Коминтерна в 1922 г. [12, с. 195, 201].

Однако, хотя «Московский сборник» был переведен на немецкий язык в 1902 г., а на французский и английский еще раньше, Шмитт не упоминает Победоносцева ни в этом труде, ни в «Политической теологии», которая завершается главой о философии контрреволюционного государства. Это способствовало тому, что в западном мире, в частности в академических исследованиях, утвердилось представление об одиозности русской консервативной и контрреволюционной мысли [18; 19], в результате чего и сегодня Ивана Ильина, например, чаще всего упоминают как фашиста, евразийцев игнорируют или, согласно новой моде, выставляют еще и предтечами фашизма, а с 2014 г. — «путинского фашизма» и т.д.

Том Дикстра в статье 2007 г. [8] перечислил целый ряд стандартных стереотипов о Победоносцеве, которые можно встретить в русской и за-

падной исследовательской литературе. Часто повторяемый тезис о «злом гении» выглядит слишком мягко по сравнению со стандартными стереотипами, которые до сих пор циркулируют. В классической работе Питера Вирека «Консерватизм» (1956) Победоносцев представлен как мыслитель, который называл свободу «странной западной концепцией», восторженно говорил о самодержавии в терминах синтеза монгольской и византийской автократий, яростно отвергал все, что исходило от Запада, и мировоззрения которого не коснулась ни одна идея западной цивилизации, включая свободу и важность общественных институтов [15, с. 85]. По мнению Вирека, большевики были законными наследниками той традиции самодержавия, которую теоретически разработал Победоносцев.

Свой вклад в создание такого образа Победоносцева внес и Н.А. Бердяев, хотя он, конечно, гораздо лучше понимал сложность воззрений русского консерватора [17]. Насколько этот образ не соответствует действительности, можно судить хотя бы по тому, что речь шла о профессоре права с многолетним стажем, одной из самых известных работ которого является «Курс гражданского права»¹, мыслителе, который постоянно подчеркивал важность хороших, точных, предсказуемых законов, которых не должно быть слишком много, человеку, который, выражаясь словами сегодняшних консерваторов, стремился защитить реальную свободу от абстрактных идей свободы. Его очень сложная и основательно разработанная система идей затрагивает множество перспективных тем, таких как, например, детальное исследование отношений между государством и церковью [21].

«Московский сборник» (1896), безусловно, является самым известным и ценным трудом Победоносцева. Эту книгу в равной степени ненавидели и подвергали нападкам в России как прозападные либеральные демократы, так и большевики. В. Смолярчук, например, еще в 1990 г. повторял привычную формулировку о «злом гении России» [33].

О Победоносцеве до сих пор пишут преимущественно крайне критически, воспроизводя предрассудки и не пренебрегая оскорблениями, ярлыками и унижениями. В упомянутом труде Дикстры, который в значительной степени преуспел в том, чтобы дать максимально полное, объективное изложение истории дискуссий о Победоносцеве и оценок его творчества, повторяется, тем не менее, тезис о вторичности и неоригинальности его воззрений [8, с. 40].

Поэтому в данной статье мы уделили внимание критическим высказываниям Победоносцева в адрес системы парламентской многопартийной демократии. Необходимо контекстуализировать эти высказывания и

¹ Представление о том, что молодой Победоносцев, мнимый западник, был готов принять демократию в России, а в старости, как верный слуга самодержавия, отвергал все, что шло с Запада, в том числе идею важности закона и справедливости, неоднократно было отвергнуто и опровергнуто. У Победоносцева наблюдается четкая преемственность взглядов и признание юриспруденции и судебных гарантий гражданских прав в рамках развитой системы автократии. Некоторые части книги были написаны и изданы в начале 1870-х гг., т.е. за два с половиной десятилетия до публикации сборника.

поместить их в рамки тогдашней глобальной европейской дискуссии о парламентаризме, демократии и возникающей теории элит. Сначала мы покажем западные источники воззрений Победоносцева. А именно, акцентируем тот факт, что он, хотя и выступавший с целью защиты российского самодержавия, но, как всесторонне образованный человек, регулярно следивший за прессой, в том числе и иностранной, очевидно, прекрасно осознавал все более определенный и очевидный кризис многопартийной системы демократии, в которой уже начали проявляться те болезни, из-за которых она приобрела плохую репутацию после Первой мировой войны и которые существуют до сих пор.

Лишь десять-пятнадцать лет спустя, как мы видели, на Западе появилась серия книг, которые и по сей день составляют основу анализа и критики вырождения политических партий демократической системы. Изложив критику парламентаризма Победоносцева, мы представим основную аргументацию мыслителей от М.Я. Острогорского и Р. Михельса до К. Шмитта. В статье мы покажем, почему идеи Победоносцева являются не только предтечей всех этих исследований, но и углубляют анализ духовно-нравственных и метафизических, а не только институциональных и партийно-политических, причин этого кризиса. Цель состоит в том, чтобы показать, что «Московский сборник» не является, в отличие от сочинений евразийцев, продуктом русско-азиатской и антиевропейской школы мысли, а выступает неотъемлемой частью европейской дискуссии того времени, в которой Победоносцев опирался на традицию, идущую от Ф. Шатобриана, Л. Бональда и Ж. де Местра через Х. Кортеса (о котором он не упоминает), Ф. Ле Пле, Т. Карлейля и даже таких доктринеров, как Ф. Гизо, теоретиков элиты (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс) вплоть до Шмитта и тех немецких мыслителей, которых он цитирует.

Следует отметить, что «Московский сборник», в котором утверждается, что демократия – это лишь форма, появился в том же году, что и ключевой труд ведущего теоретика элитизма Гаэтано Моски «Элементы политической науки». Таким образом, статья должна показать явную изобретательность Победоносцева как критика системы парламентской многопартийной демократии, которая представляет собой один из важнейших сегментов его теоретической работы.

* * *

Если указывать идейные источники воззрений Победоносцева, то это прежде всего относительно четкая линия русского консерватизма XVIII–XIX вв. Главным образом, стоит учесть сочинения Н.М. Карамзина и С.С. Уварова, двух крупнейших апологетов самодержавия как специфически русской формы правления. В их работах можно найти многие основополагающие утверждения Победоносцева, с понятными вариациями. С этими двумя теоретиками русского консерватизма связаны знаменитая триада «Православие, самодержавие, народность», обоснование необходимости активного противодействия западным либеральным и революционным тенденциям, родившимся на почве абстрактного рационализма и индивидуализма и возведшим в абсолют теории абстрактных прав, разделения властей и т.д. При Уварове упор был сделан на защиту

населения, особенно молодежи и детей, от западного влияния на образование, религию, общественное мнение и другие элементы духовной жизни, которые должны были быть сохранены государем¹.

И Карамзин, и Уваров часто бывали в Европе и были хорошо знакомы с идеологическими и политическими тенденциями своего времени, на которые они и откликались, однако Победоносцев был гораздо более западным человеком, чем они, в плане образования и осведомленности. Его критика западной системы политики и идеологии того времени является имманентной, она указывает на то, что Победоносцев знал все отклонения и проблемы этой системы и критиковал их с учетом западной литературы, конкретных данных и анализа прессы, а не только с абстрактной точки зрения, предполагающей изоляцию России с целью защитить ее от всего, что исходит с Запада. Иными словами, Победоносцев был европейски образованным человеком своего времени, который пошел дальше и осознал те проблемы, которые приносят обществу многопартийность, разделение властей и отделение церкви от государства.

Таким образом, можно утверждать, что для критики Запада Победоносцев больше использовал работы западных авторов – писателей, журналистов и аналитиков политико-правовой системы Англии, Франции и Америки, чем сочинения русских мыслителей, хотя, когда дело касалось внешней политики, он всегда был очень близок к славянофилам. Следует отметить, что Победоносцев никогда не был эпигоном, никому не подражал, а отстаивал свои взгляды, рассматривая свой подход не только как нормативный принцип, но и как целостную систему единой связи духовно-религиозных и моральных принципов с политической, институциональной и практической деятельностью. Как мы увидим, между Победоносцевым и его западными друзьями существовали принципиальные концептуальные разногласия (в частности, для него абсолютно неприемлемой была идея верховенства закона над всеми, включая правителя), из-за которых ему приходилось модифицировать их взгляды даже тогда, когда он переводил их тексты². Он был человеком практичным, знавшим систему государственного правления и правосудия изнутри, и в своей писательской и общественной деятельности руководствовался принципами государственного разума (*ragione di stato*). Спасение народа (*salus populi*) действительно было для него высшим законом в буквальном смысле слова. В исследовательской литературе неоднократно отмечался тот факт, что именно понятие «народ» было основополагающим в политической концепции Победоносцева [8, с. 26].

Русская традиция самодержавия образует нормативную основу политической теории Победоносцева. Ж. Салем хорошо обозначил отличие

¹ В Сербии в 2013 г. была защищена докторская диссертация Андрея Митича «Русская консервативная мысль» [22]. Взгляды Карамзина и Уварова рассматриваются на стр. 39–77. К сожалению, эта работа до сих пор не опубликована.

² При этом он не гнушался такими «макиавеллистскими» приемами, как пропуски неудобных положений при переводе [30, с. 92].

французской автократической системы типа режима Людовика XIV от имперского самодержавного государства, которое защищал и отстаивал Победоносцев [11, с. 127]. Об этом можно судить и по статьям Победоносцева о природе русского самодержавия, напечатанных во французских журналах, они были собраны и опубликованы в 1927 г. под названием «Русское самодержавие» [10]. Но что касается понимания природы и проблем системы многопартийной представительной демократии, то в этом Победоносцев был полностью западным человеком, разделяющим естественный ход развития политической и общественной мысли, анализирующим и подмечающим проблемы функционирования этой системы.

Лучший анализ влияния европейских предшественников на взгляды и работу обер-прокурора Синода дал А.Ю. Полунов [28; 29; 31]. Несколько его статей посвящены анализу отношения Победоносцева к французской реакционной традиции XIX в. и особенно его сотрудничества со школой социального мира Ф. Ле Пле [32]. В этих исследованиях затронуты причины, по которым «мода на Победоносцева» в какой-то момент прижилась в Париже, по крайней мере в некоторых кругах. Кроме того, известна работа Полунова об отношении Победоносцева к британцам и о влиянии на него британских консервативных и реакционных мыслителей, таких как Карлейль, Манн и особенно Джеймс Фицджеральд Стивен, автор знаменитой книги «Свобода, равенство, братство» (1873), созданной как критика английских либералов, особенно Дж. С. Милля [30]. Победоносцев перевел на русский язык Ле Пле и Стивена и пытался пропагандировать их взгляды.

Ле Пле принадлежит к наиболее важному направлению французской реакционной мысли XIX в. В великолепном сборнике статей с подробным введением к их работам, изданном ISI в 2004 г., Кристофер Олаф Блум выделил Шатобриана, Бональда, де Местра, Ле Пле, Эмиля Келлера и Рене де ла Тур дю Пан [2]. В этом лагере католических мыслителей, определивших французский правый консерватизм еще до возникновения движения Action Française, Фредерику Ле Пле принадлежит очень интересное место. Он сыграл важную роль в эпоху, когда формировались взгляды Победоносцева. Этот мыслитель занимал явно контрреволюционную позицию, основой нормативной модели для него были религия, частная собственность и особенно крепкая традиционная семья. Хотя, заметим, он учитывал роль и значение женщины. Как человек, много путешествовавший в середине XIX в. и работавший некоторое время инженером на Урале, он был озабочен идеей реформирования Франции на всех уровнях и потому уделял большее, чем иные мыслители этого идейного лагеря, внимание экономической науке. Его труды и забота о рабочих считаются предшественниками папской энциклики *Rerum novarum* и христианской демократии.

В Европе интерес к работам Победоносцева усилился после подписания военной конвенции и союзного договора между Россией и Францией в 1890-е гг. Считалось, что его взгляды лучше всего выражают суть Российской империи, ее ценности и политическую систему. Леру Болл указывал, что работы Победоносцева следует читать, чтобы понять, в чем он видел проблемы Третьей Республики и до какой степени они пугают рус-

ского царя и заставляют его избегать любых реформ, направленных на введение представительного правления и конституции [28, с. 140].

Отношения Победоносцева с окружением Ле Пле были особенно близкими и в то же время напряженными вплоть до его смерти в 1907 г. В журнале «Социальная реформа» сразу после выхода в свет перевода «Московского сборника» в 1897 г. вышла положительная рецензия на него Худо, в которой утверждалось, что «мы защищаем одни и те же ценности». И действительно, Школа социального мира, как и Победоносцев, критиковала индивидуализм, рационализм, секуляризм и крайности либеральной демократии. Авторы этого круга также выступали против бюрократизации, настаивали на важности обычаев и наследия, считали крестьянский мир и семью основой любого нормального общества. Они надеялись, что Победоносцев, как влиятельный человек, будет способствовать популяризации и реализации их учения. И действительно, он перевел «Основы Конституции», ключевой труд Ле Пле, издав его в России со своим предисловием и биографией автора. Также, как отмечает Полунов, многие меры, реализованные им на посту обер-прокурора Синода, были вдохновлены их взглядами, особенно в области усиления влияния церкви в школах и общественной жизни [32, с. 188].

Однако между ними были и явные разногласия и даже конфликты как в теоретических вопросах основ устройства общества и политики, так и в плане взаимоотношений православия и католицизма, особенно ввиду нетерпимости самодержавия к религиозным меньшинствам, в том числе католическим. Победоносцев был последовательным антропологическим пессимистом и поэтому выступал против наличия независимых общественных организаций и исходящих от них инициатив по реформированию государственного управления. Также он был против индивидуализма, принципа неприкосновенности частной собственности и любой идеи конкуренции как основы прогресса. По мнению Победоносцева, все это было излишеством, поводом для разжигания страстей и тем самым подрыва стабильности в государстве. Не разделял русский политик и призывы к свободе действий церкви по отношению к государству. Наиболее существенное различие состояла в том, что для круга Ле Пле, как и в случае с британскими консерваторами, парламентская представительная демократия уже стала бесспорной основой политической жизни. Вся их критика сводилась к попыткам исправить систему и найти больше места для тех ценностей, которые они провозглашали (и которые они в основном разделяли с Победоносцевым).

Но для Победоносцева эта система по определению была неприемлема. Стоит упомянуть его последнее обращение к семье Ле Пле в тексте, который он написал перед смертью. Победоносцев резюмировал свои взгляды по вопросу внедрения системы представительной многопартийной демократии в России, отметив, что Россия слишком большая страна для этого и что ее культурное развитие этому не способствует [32, с. 190]¹.

¹ Проблема в том, что, по мнению ряда авторов, Победоносцев, напротив, считал, что именно необразованность народа, т.е. «блаженное невежество», необходимо для того, чтобы удерживать народ в спокойствии и подчинении

Помимо французов, Победоносцев много общался с англичанами, особенно после обострения Восточного кризиса, когда через Ольгу Новикову он устанавливал связи с британскими деятелями, поддерживавшими борьбу славян на Балканах. Полунув затронул этот вопрос в статье, представленной к столетию кончины Победоносцева [30]. В начале 1870-х гг. Победоносцев занимался вопросом об отношении англичан к статусу веры и религии, и некоторые из его текстов вошли в «Московский сборник». Но после начала Восточного кризиса, несмотря на четкое убеждение, что англичане в корне ненавидят русских и считают их варварами, он искал возможность лоббировать в британском парламенте снижение поддержки Лондоном Османской империи¹. Но, кроме вопроса об англиканской церкви, которая тоже была государственной, Победоносцев проявлял живой интерес к творчеству английских консерваторов и критиков либеральной демократии и либеральных ценностей.

Краткий текст о Карлейле целиком включен в «Московский сборник» [26, с. 249–252]. В нем Победоносцев выделил пять положений этого крупного и тогда очень влиятельного английского мыслителя. Важнейшие выводы относились к воспитанию молодежи, которую следует учить на правильных примерах и, прежде всего мудрости, смирению и послушанию. Кроме того, Победоносцев подчеркивал важность религии и веры в обществе как объединяющего начала. Помимо Карлейля, он также проявлял интерес к Т.С. Мену и особенно к Джеймсу Фицджеральду Стивену. В том же году, когда вышла его основная книга, Победоносцев представил более подробное изложение основных аргументов, резюмируя критику Стивенем либеральных принципов Бокля, Бенгтама и Милля. Текст был опубликован в журнале «Гражданин» [27] и, очевидно, многие из тех рассуждений и соображений, которые мы приведем ниже, вошли в основные тексты «Московского сборника», посвященного критике либеральной демократии. Поскольку все эти авторы не ставили под сомнение принцип парламентаризма, то при изложении и переводе их работ Победоносцев опускал некоторые фрагменты предложений и изменял их смысл, чтобы создать нужную ему картину [30, с. 92].

Интересно отметить, что хотя Победоносцев знал немецкий язык, он в своих произведениях ссылаясь на французских и английских, но не на немецких авторов.

* * *

Подведем итог критике либеральной демократии, представленной в «Московском сборнике» [26; 25]. Можно выделить несколько уровней этой критики. Первый – это принципиальное противодействие любому

правительству. Зная его макиавеллистское отношение к письменному слову, вполне можно допустить, что это было сознательной тактикой в отношении к его французским друзьям: дать приемлемый для них аргумент.

¹ Победоносцев сам переводил и издавал в России тексты главы британской либеральной партии У. Гладстона о Болгарии и Черногории. Интересно, что он был в контакте с другим влиятельным либеральным деятелем, Уикхэмом Стидом, организовавшим английский перевод «Московского сборника».

компромиссу и введению любой формы отделения церкви от государства, народного суверенитета, многопартийной системы и свободных выборов, сопровождаемых полной свободой прессы. Победоносцев считал, что каждая часть этого пакета влечет за собой другую и что это открывает путь к постепенному, но ускоренному разрушению государства и общества.

Второй уровень – фактически базовый и касается духовно-религиозной основы не только общего социального функционирования, но и всей институциональной и политической системы. Вера, согласно Победоносцеву, является основой нравственности, что особенно важно для действий высших слоев общества и формирования у них чувства долга, ответственности и приверженности общегосударственным целям, а также для признания свободы человека в тех областях, в которых она необходима. В то же время, вера является основой нравственного поведения в повседневной жизни людей и способствует уважению ими закона, правительства и государственного порядка. Существует также прагматический довод, согласно которому именно радикальное отделение церкви от государства привело церковь к превращению в параллельную систему власти, которая на Западе часто инициировала различного рода конфликты, в том числе политические и военные. Разумеется, Победоносцев следил за так называемой *Kulturkampf* в Германии в 1870-е гг., и тот факт, что даже после своего военного триумфа Бисмарку пришлось склониться перед римско-католической церковью, укрепил его веру в то, что церковь не должна быть отделена от государства.

Следующий уровень критики направлен на утверждение ошибочности идеи народного суверенитета и поощрения претензий народа на власть. Победоносцев особенно сильно возражал против идеи всеобщего и равного избирательного права. Он придерживался аристократических позиций меритократии, что очень похоже на взгляды Милля. Прежде всего, он выступал за признание большей ценности голоса образованных граждан¹. Победоносцеву здесь близки и французские либералы XIX в. (например, Гизо), категорически выступавшие против расширения избирательных прав и за сохранение избирательного ценза с целью предотвращения популизма, основанного на манипулировании необразованными массами². Этот анализ актуален и в наши дни, когда нарабатаны многочисленные методы политического управления неподготовленными массами посредством их манипуляций, оглушения и эксплуатации.

Победоносцев детально проанализировал недостатки многопартийной системы, делающие возможным ее переход к диктатуре партийных лидеров и элит. Он дал потрясающее описание закулисной политики многопартийных систем, с присущими ей манипуляциями, торговлей интересами, коррупцией и прежде всего практикой покупки голосов и должностей за государственные средства. Политику по-прежнему определяет узкая элита, но руководствуется она при этом не ответственностью перед избирателями, а эгоизмом. Победоносцев также критиковал

¹ Об элитизме Милля, ярко выраженном в институциональных предложениях в «Размышлениях о представительном правлении», см. [6, с. 323–332].

² См. обзорную работу [4].

коммерциализацию политики и необоснованное смещение политических и экономических сфер. Преобладание узкопартийных интересов над общественными отворачивает достойных и одаренных лиц от политики.

Весьма важна мысль Победоносцева, позднее развитая Шмиттом, что упадок аргументированной дискуссии и свободного рационального общественного мнения убивает саму суть либеральной парламентской демократии [12, с. 154, 172, 174, 183]. Он блестяще показал все манипуляции «свободной» прессы: сенсации, таблоидизацию, неспособность серьезных газет конкурировать с таблоидами. Также Победоносцев обратил внимание на тесное сотрудничество партийных лидеров и СМИ, совместно препятствующих дискуссиям, спорам и поиску национальных интересов. Вместе они играют на инстинктах и страстях масс. Вместо чести, чувства долга и ответственности насаждаются ложь, лицемерие, лесть. Как подобает серьезному консерватору, Победоносцев настаивал на том, что вся эта система основана на логике абстрактного просветительства, т.е. на ошибочном тезисе Ж.-Ж. Руссо о доброй и бесконечно исправимой природе человека. По его мнению, православное понимание человека, основанное на идеях милосердия, прощения, сострадания, требует иной системы, чем лежащие в основе парламентаризма протестантские идеи.

Особенно важны выводы Победоносцева, также схожие с мнением Милля, о том, что все это дополнительно усложняется в многонациональных государствах и что поэтому именно самодержавие, а не демократия, может умерить личные и частные интересы. Самым губительным для государства он считал реализацию идеи о том, что в многопартийном парламенте должны быть представлены все меньшинства и национальные общины, ведь они, по его мнению, обязательно будут ссориться друг с другом (как это и случилось в первой Югославии – Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1920-е гг.). Также значимо его наблюдение о перепроизводстве законов, актов и постановлений в многопартийных системах, где законы становятся партийными инструментами. Победоносцев считал, что именно это ведет к бюрократизации, в отличие от упорядоченных бюрократических систем автократии. Как и его французские единомышленники, он выступал за политическую централизацию при административной децентрализации и последовательной поддержке местных сообществ, местных систем власти, обычаев и местных приходов.

Победоносцев также отмечал пагубное манипулирование общественным мнением и прессой с целью вмешательства в судебную деятельность и работу судебных органов. Дело Веры Засулич, когда общественное мнение запугало судей, убедило его в том, что все попытки реформирования судебной власти в России, следующие западным стандартам, должны быть отменены. Поэтому вместо отделения судебной власти от административной, введения суда присяжных и открытия суда для прессы и общества он требовал возврата к строгой судебной процедуре, защищенной от вмешательства общественного мнения и находящейся под контролем государственной и административной власти [11, с. 141–143]. По его мнению, только это сможет реально защитить государство и общество от террористов и анархистов. Этому вопросу посвящен «Суд присяжных» – небольшая, но весьма важная часть «Московского сборника» [26, с. 114–116].

Следствием развития на Западе либеральной демократии, отделения церкви от государства, секуляризма и Просвещения, возрастающей роли партийных лидеров и медиакорпораций был отмеченный Победоносцевым рост недовольства в западных странах. Европейским странам угрожает поэтому скатывание в анархию, на смену которой может придти диктатура (что действительно и очень быстро произошло на Западе с появлением фашизма и нацизма). Поэтому обер-прокурор считал, что России лучше вообще не экспериментировать с этим.

Здесь мы лишь обобщили основную линию аргументации и некоторые наиболее важные соображения, показывающие реальное функционирование и недостатки многопартийной системы, основанной на отделении церкви от государства. Победоносцев входит в мельчайшие детали и показывает целостную картину этой системы, подробно описывая, как либеральная демократия превращается в фасад, позволяя недостойным силам овладеть государством и его ресурсами и ввергнуть общество в хаос.

Одним из важнейших доводов Победоносцева является тот факт, что демократия и многопартийность с такими их атрибутами, как сенсационность, пошлость и манипулирование массами, приводят к различным перверсиям, которые используются для активизации социально-политических потрясений. Долг элиты и власти – с помощью духовной власти нести народу спокойствие, основанное на православных ценностях покаяния и подавления страстей. Но популистская элита демократических государств опирается на разжигание страстей простых людей и ввергает их в водоворот коммерциализации, плотских удовольствий, пошлости и потребления. По мнению Победоносцева, важнейшей задачей государства является формирование личности человека, основанной на осознании собственной ответственности [26, с. 134]. Современная же корпоративная элита основывает свою власть на финансовом капитале, экспериментальной психологии и на полном контроле над политикой и партиями.

* * *

Критика Победоносцева – это действительно имманентная критика европейски образованного человека. Она является логическим звеном и этапом в развитии критики либеральной демократии его европейских предшественников и следующего поколения европейских мыслителей, создавших канон такой критики в начале XX в. Первый из них – Моисей Острогорский, русский еврей, проживший десятилетия на Западе и создавший первую серьезную и систематическую критику отчуждения и извращения партийной системы. Необходимо также упомянуть Роберта Михельса и Хилэра Беллока вместе с Сесилом Честертоном. В этой части статьи мы вкратце представим их основные идеи.

Острогорский был весьма интересной исторической личностью. Работая в российской императорской администрации, он, как и его брат, занимался вопросами образования и писал учебники по истории, затем изучал политологию и социологию во Франции, опубликовал ряд прославивших его имя исследований, а затем вернулся в Россию, чтобы быть избранным в Думу первого созыва в 1905 г. Его самый известный труд – двухтомник «Демократия и организация политических партий»

[23]¹. Первый том, посвященный британской партийной системе, вышел в 1902 г., а второй, посвященный американским партиям, – в 1910 г. Французское издание вышло в 1912 г.

Острогорский дал очень тщательный и подробный анализ того, как политические партии извращают демократическую систему, и обвинил их в захвате власти, коррупции и стремлении получать привилегии. Он систематизировал ряд ценных идей, изложенных ранее Победоносцевым в форме эссе, и дал блестящий анализ механизмов, с помощью которых партийные и внепартийные системы власти коррумпируют демократический избирательный процесс. Острогорский показал, что партии являются крайне недемократическим институтом, что они перерастают в электоральные машины и формируют массу, в которой личность, свободный гражданин нивелируются и исчезают, нет настоящей свободы для аргументированного обсуждения и убеждения оппонента, так как партийные лидеры держат в своих руках все основные ресурсы и ограничивают свободу выражения мнений рядовых членов партии, заставляют их подчиняться принятому курсу и указаниям партийной элиты.

Возможно, Острогорский был первым, кто показал, насколько системы организации важнее идеологий, и он рано уловил тенденцию, которую М. Дюверже увековечил в знаменитой формуле, что для партии организация есть все, работу он подробно изложил в знаменитой сноске в начале классической работы о политических партиях [7, с. 20]. Обычно говорят, что наряду с М. Вебером и К. Марксом он был одним из первых, кто изучал фактическое поведение партий и власть имущих, а не нормативные идеи. Он также представил сравнительную модель изучения политических партий. Важен и вывод о том, что непарламентские субъекты, такие как финансисты, начинают играть все более важную роль в партиях. Кроме того, он показал, как центр принятия решений перемещается из парламента в находящуюся за его пределами партийную элиту.

Острогорский большое внимание уделял выяснению причин, в силу которых структура партий исключает свободу дискуссий и подавляет людей. Партии не являются открытыми, публичными и ответственными организациями. Клиширование, софистика, демагогия, продажа должностей заменяют аргументированную и идеологическую дискуссию. Только мораль и общественное мнение, а не партии, по его мнению, остаются защитой от демократической тирании. В 1916 г. Острогорский опубликовал в Петрограде книгу о конституционной эволюции Англии, где дополнительно проанализировал процессы деградации партийного и конституционного устройства, хотя до конца оставался англофилом [24]. Он указывал на необразованность английских избирателей, из-за чего их участие в политической жизни превращается в ритуал. Весьма значим и его вывод, впоследствии развитый Михельсом, о том, что система превращает лидера партии в диктатора. Эта книга была недавно переиздана.

Хилэр Беллок, британский католический мыслитель, был членом парламента от либеральной партии с 1906 по 1910 гг. Свой опыт он описал в книге «Партийная система», изданной в соавторстве с Сесилом Честерто-

¹ Хороший обзор основных идей этой работы см. [1].

ном [16]. Как главный дистрибутивист, он выступал против крупного корпоративного капитала, следы которого он обнаружил и в партийной жизни. Находясь в парламенте, он требовал обсуждения вопроса о секретных фондах партий, но этот вопрос так и не был включен в повестку дня.

Эта книга написана остроумно и проникательно и читается как авантурный роман, с большим количеством острого юмора и цинизма. В ней представлен подробный анализ системы манипуляций, избирательной процедуры, способов коррумпирования порядочных людей, отрыва их от электоральной базы и превращения в часть партийного механизма. В книге показано, что весь процесс с двумя якобы противостоящими друг другу партиями сводится к простому шоу, ведь зачастую одни и те же корпоративные капиталисты финансируют обе партии, а элиты и лидеры обеих партий часто связаны родством, общим бизнесом и т.п. На деле же они составляют единую плутократическую элиту землевладельцев, капиталистов и спекулянтов, которые совместно правят простыми людьми. Тем не менее, Белок и Честертон не усомнились в необходимости либеральной демократии и, критически описав текущее положение дел, попытались найти механизмы, которые изгнали бы богатых из политической жизни, а парламент вернули бы народу и его реальным представителям. Хотя их принципы и мотивы были другими, чем у Победоносцева, но суть была той же: показать (при аналогичном анализе коррупции прессы теми же финансистами), что многопартийная представительная демократия превратилась в фасад, за которым стоит монолитная олигархия, которая контролирует ресурсы, партийных лидеров, покупает людей, парламентские, министерские и дипломатические должности, дворянские титулы и т.д. Предложения, которые Белок и Честертон выдвинули в конце книги, не удалось реализовать до сих пор, и оказывается, что Победоносцев был гораздо более реалистичен, когда утверждал, что плутократической олигархии может противостоять только сильное самодержавное правительство, которое защищает народ, общество и государство от хищников такого типа.

Наконец, в том же году вышла в свет и самая известная книга этой трилогии – объемистый труд Михельса «Социология партий в современной демократии: исследование олигархических тенденций в групповой жизни» [9]. Михельс, вместе с Москкой и Парето, принадлежит к итальянской школе теории элит, так что эта книга одновременно является краеугольным камнем обеих традиций. Во введении он утверждал, что в сущности человеческой природы, политической борьбы и организации партий заложены тенденции, которые препятствуют созданию реальной демократии и фактически ведут номинальную демократию к олигархии [9, с. IV]. Анализом этих тенденций Михельс хотел заняться отдельно в работе о политических партиях¹.

Особый вес этому анализу придает тот факт, что его автор – выходец из социал-демократического лагеря. Это показывает, что те же тенден-

¹ В предисловии ко второму немецкому изданию, вышедшем в 1925 г. одновременно с упомянутым выше сочинением Шмитта и на которое ссылается сам Михельс, перечислены работы, продолжившие эти исследования [9, с. VII].

ции, о которых обычно говорят в отношении консерваторов, в равной степени обнаруживаются и в партиях, идеологически отрицающих важность элит, выступающих за всеобщее равенство и т.д. Таким образом, несмотря на идеологические самопредставления, «железный закон олигархии» [9, с. 10] проявляется повсюду, в том числе в социал-демократических и социал-революционных партиях, и в эпоху массовой политики и массовых партий сила и власть неизбежно концентрируются в руках небольшого числа лидеров, которые затем определяют судьбу членов своих партий и страны в целом. «Появление этих тенденций в среде революционных партий является особенно убедительным подтверждением существования имманентных олигархических черт в каждой человеческой утилитарной организации». Или: «Кто говорит об организации, тот говорит и о склонности к олигархии» [9, с. 21]. Современные партии – это организации армейского, военного типа. Михельс ссылается на мнение Лагарда, который писал в 1907 г., что руководство рабочих партий относится к своим членам так же, как и лидеры буржуазных и консервативных партий. Михельс анализирует психологические, интеллектуальные и структурные причины появления сильных лидеров, в том числе желание подавляющего большинства людей быть ведомыми и иметь кого-то, кому они доверяют или кого они обожают, распространяя на себя его силу и популярность. Он также подробно исследует финансово-плутократическую основу лидерства, роль прессы и средств массовой информации в процессе интронизации лидера и его контроля над партией.

В предпоследней главе Михельс рассматривает современные попытки помешать этому процессу и делает вывод о железном законе олигархии. С одной стороны, он показывает, что везде, где устанавливается демократия, неизбежно появляются олигархические тенденции, но, с другой стороны, надеется, что вскоре появятся те, кто обвинит элиту в олигархическом поведении и начнет с ней бороться. По сути, это постоянный процесс, в котором элита и новая элита сталкиваются и борются.

После такого анализа единственной защитой идеи либеральной демократии может стать взгляд Й. Шумпетера на конфликт конкурирующих элит [13] или версия Р. Даля о полиархии [5]. Однако, как указал Беллок, всегда существует опасность, заключающаяся в том, что эти элиты будут организовываться олигархическим образом, стимулируя конфликты и фактически контролируя весь спектр политической жизни и все ресурсы. Этот аргумент можно найти в рудиментарной форме уже у Победоносцева, что еще раз доказывает тезис о том, что его работы имманентны западной критике системы многопартийной представительной демократии.

* * *

Итак, мы приходим к трем выводам. Во-первых, вся критика политической мысли Победоносцева основана на утверждении, что его жесткое препятствование введению конституционализма и проведению парламентских реформ в России якобы привело к политическому взрыву, свержению царя и большевистской революции. Эта критика игнорирует ряд дополнительных факторов, таких как мировая война, вызванное ею

обеднение населения, влияние внешних центров силы и т.д. Более того, нет доказательств тому, что уступки способствовали бы стабилизации. Сербский правовой и политический мыслитель Слободан Йованович показал на примере Ирландии, что именно прекращение репрессий и политика уступок привели к потере Британией этой части территории – отделению Ирландии [20, с. 94]. В этом смысле можно сказать, что именно 1905 г. привел к 1917 г.

Во-вторых, критика Победоносцева абстрактной парламентской демократии и многопартийности, ставящая их в тесную связь с кризисом веры, морали и духовных основ социальной системы, никогда не была так актуальна, как сегодня. Номинально западные страны по-прежнему являются либеральными многопартийными демократиями, но сегодня от демократии осталась лишь внешняя форма. Практически все элиты в силу коррупции, безверия, идеологической слепоты или принадлежности к сатанинским культам участвуют в разрушении своих обществ, способствуя отмене и преследованию религии и морали, массовой сексуализации населения, в том числе детей, отмене табу на инцест, педофилию и зоофилию, приветствуя разрушение сообществ, семьи, в том числе и за счет стирания важности биологических различий между мужчиной и женщиной, вызывая массовое обнищание среднего класса, его идиотизацию посредством социальных сетей и СМИ, поддерживая засилье корпораций и, наконец, трансгуманистический проект упразднения самого человека в пользу химер и киборгов, о чем восторженно пишет, например, Юваль Ноа Харари. В результате свобода выбора свелась на деле к свободе выбора в супермаркете, где большая часть продуктов сделана из одной и той же кукурузы. Однако, несмотря на запущенные процессы дегуманизации, превращающие человека в потребителя, или же в безмолвное животное, ориентированное на удовлетворение своих низших побуждений и потребностей, а, может быть, даже благодаря этим процессам, в современном обществе возникает запрос на ответственную элиту, которая защитила бы простых людей от опасности стать жертвой одиссеевских сирен сексуальности и гедонизма, т.е. всего того, что поощряет невоздержанность и разжигает страсти.

Наконец, в-третьих, можно утверждать, что именно открытая либеральная демократия, установленная в тех странах, которые англо-американцы считают своими врагами, наиболее облегчает им вмешательство во внутренние дела этих стран, коррумпирование государственных элит и в конечном итоге захват власти. Усиление авторитаризма во многом вызвано необходимостью защиты государства от внешней агрессии со стороны англо-американцев и их корпораций, которые при помощи огромного числа политтехнологий и идеологических инструментов под предлогом защиты открытого общества, демократии и свободы выборов подрывают безопасность государств, разрушают их социальные структуры и выкачивают их ресурсы. Показательные примеры этого – Россия до и после 2000 г., а также Китай. Именно подавление попытки американцев провес-

ти цветную революцию на площади Тяньаньмынь¹ в Китае сохранило страну и позволило ей всего три десятилетия спустя стать главным соперником США на глобальной арене. Если бы правительство действовало иначе, то вряд ли бы Китай существовал сегодня – он бы, скорее всего, развалился, как в свое время СССР. В этом смысле весьма обоснованной является гипотеза, что именно ослабление авторитаризма в России в 1905 г. открыло путь сначала Февральской, а затем и большевистской революциям 1917 г. Победоносцев, похоже, был прав. На пути к краху Российской империи важную роль сыграли прозападные российские элиты, которые, как и советские элиты конца восьмидесятых и начала девяностых годов XX в., поддались западной пропаганде и разрушили государство изнутри.

Литература

1. *Barker R., Howard-Johnston, X.* The Politics and Political Ideas of Moisei Ostrogorski // *Political Studies*, 1975. Vol. 23. № 4. P. 415–429.
2. *Blum O.C.* Critics of the Enlightenment: Readings in the French Counterrevolutionary Tradition. Wilmington, Del.: ISI Books, 2004.
3. *Byrnes R.F.* Pobedonostsev, His life and Thought. London; Bloomington: Indiana University Press, 1968.
4. *Craiutu A.* Liberalism under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires. Lanham, Md.: Lexington Books, 2003.
5. *Dal R.* Poliarhija: participacija i opozicija. Beograd: Filp Višnjić, 1997.
6. *Đurković M.* Politička misao Džona Stjuarta Mila. Beograd: Službeni glasnik, 2006.
7. *Duverger M.* Les partis politiques, Paris: Librairie Armand Colin, 1976.
8. *Dykstra T.E.* Evil Genius and Guardian Angel: The Image of Constantine Pobedonostsev in Russian Historiography // *Symposium*. 2007. № 7–12. P. 81–105.
9. *Michels R.* Sociologija partija u suvremenoj demokraciji. Zagreb: Informator, Fakultet političkih nauka, 1990.
10. *Pobiedonostsev K.P.* L'Autocratie Russe: Constantin Pobiédonostsev procureur general du Saint Synode: Mémoires politiques, correspondance officielle et documents inédits relatifs à l'histoire du règne de l'empereur Alexandre III de Russie (1881–1894). Paris: Payot, 1927.
11. *Salem J.* Critiques de la démocratie parlementaire dans la Russie de la fin du XIXe siècle: Constantin Pétrovitch Pobedonostsev, théoricien de l'autocratie // *Revue de métaphysique et de morale*. 2005. № 45. P. 127–149.
12. *Šmit K.* Duhovno povesni položaj sadašnjeg parlamentarizma // *Norma i odluka*, Karl Šmit i njegovi kritičari / priredio Slobodan Samardžić. Beograd: Filip Višnjić, 2001.
13. *Šumpter J.* Kapitalizam, socijalizam i demokratija. Beograd: Plato, 1998.
14. *Vazquez R.F.* Reseña de Moisei Ostrogorski. La democracia y los partidos políticos // *Revista Mexicana de Sociología*. 2009. Vol. 71. № 4. P. 772–775.
15. *Vireck P.* Conservatism: From John Adams to Churchill. Princeton: Van Nostrand, 1956.

¹ Среди прочих там был Джин Шарп, символ техники и идеологии «ненасильственных протестов», или цветных революций [17, с. 120].

16. Белок Х., Честертон С. Партијски систем. Београд: Бернар, Стари Бановци, 2017.
17. Бердяев Н. Нигилизм на религиозной почве // К.П. Победоносцев: pro et contra. Антология. СПб.: РХГИ, 1996. С. 287–294.
18. Ђурковић М. Десна мисао у XX веку. Сремски Карловци, Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2019.
19. Ђурковић М. Мрачни коридори моћи. Београд: Катена мунди, 2022.
20. Јовановић С. Примери политичке социологије: Енглеска, Француска, Немачка. Београд: БИГЗ, Југославијапублик, СКЗ, 1990.
21. К.П. Победоносцев: pro et contra. Антология. СПб.: РХГИ, 1996.
22. Митић А. Руска конзервативна мисао: докторска дисертација. Универзитет у Нишу, 2013.
23. Острогорски М. Демократија и политичке партије. Београд: штампарија Светог Саве, 1921.
24. Острогорский М. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека. Петроград, 1916.
25. Победоносцев К.П. Велика лаж нашег доба. Стари Бановци: Бернар, 2018.
26. Победоносцев К.П. Московский сборник // К.П. Победоносцев: pro et contra. Антология. СПб.: РХГИ, 1996. С. 80–275.
27. Победоносцев. К.П. Свобода, равенство, братство [Обзор книги Дж. Стифена] // Гражданин. 1873. № 35. С. 958–962; № 36. С. 977–979; № 37. С. 1007–1010.
28. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в восприятии французских ученых и публицистов // Отечественная история. 2007. № 6. С. 138–144.
29. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010.
30. Полунов А.Ю. Победоносцев и общественно-политическая жизнь Великобритании (1870-е – начала 1900-х годов) // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К.П. Победоносцева (Санкт-Петербург, 1–3 июня 2007 года). СПб.: Санкт-Петербургская митрополия, 2007.
31. Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М.: АИРО-XX, 1996.
32. Полунов А.Ю. Религиозные консерваторы России и Запада в борьбе против революции: Ф. Ле Пле и К.П. Победоносцев // O wolność i sprawiedliwość: chrześcijańska Europa między wiarą i rewolucją. Inst. filologii obcych Uniwersytetu humanistyczno-przyrodniczego im. Jana Długosza: Polskie t-wo historyczne, Oddz. w Częstochowie Częstochowa, 2018. S. 183–191.
33. Смолярчук В. Злой гений России (К.П. Победоносцев) // Правоведение. 1990. № 3. С. 49–55.

Ђурковић, Миша. *K.P. Pobedonostsev: autocracy as a personal interest or a result of immanent criticism of multiparty democracy?*

References

1. Barker, R., & Howard-Johnston, X. (1975), The Politics and Political Ideas of Moisei Ostrogorski, *Political Studies*, vol. 23, issue 4, pp. 415–429.

2. Blum, O.C. (2004), *Critics of the Enlightenment: Readings in the French Counter-revolutionary Tradition*, ISI Books, Wilmington, Del.
3. Byrnes, R.F. (1968), *Pobedonostsev, His life and Thought*, Indiana University Press, London, Bloomington.
4. Craiutu, A. (2003), *Liberalism under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires*, Lexington Books, Lanham, Md.
5. Dal, R. (1997), *Poliarhija: participacija i opozicija*, Filp Višnjić, Beograd.
6. Đurković, M. (2006), *Politička misao Džona Stjuarta Mila*, Službeni glasnik, Beograd.
7. Duverger, M. (1976), *Les partis politiques*, Librairie Armand Colin, Paris.
8. Dykstra, T.E. (2007), Evil Genius and Guardian Angel: The Image of Constantine Pobedonostsev in Russian Historiography, *Symposion*, no. 7–12, pp. 81–105.
9. Michels, R. (1990), *Sociologija partija u suvremenoj demokraciji*, Informator, Fakultet političkih nauka, Zagreb.
10. Pobiedonostsev, K.P. (1927), *L'Autocratie Russe: Constantin Pobiédonostsev procureur general du Saint Synode: Mémoires politiques, correspondance officielle et documents inédits relatifs à l'histoire du règne de l'empereur Alexandre III de Russie (1881–1894)*, Payot, Paris.
11. Salem, J. (2005), Critiques de la démocratie parlementaire dans la Russie de la fin du XIXe siècle: Constantin Pétrovitch Pobedonostsev, théoricien de l'autocratie, *Revue de métaphysique et de morale*, no. 45, pp. 127–149.
12. Šmit, K. (2001), Duhovno povesni položaj sadašnjeg parlamentarizma, in: Samardžić, S. (ed.), *Norma i odluka, Karl Šmit i njegovi kritičari*, Filip Višnjić, Beograd.
13. Šumpter, J. (1998), *Kapitalizam, socijalizam i demokratija*, Plato, Beograd.
14. Vazquesz, R.F. (2009), Reseña de Moisei Ostrogorski. La democracia y los partidos políticos, *Revista Mexicana de Sociología*, vol. 71, no. 4, pp. 772–775.
15. Vireck, P. (1956), *Conservatism, From John Adams to Churchill*, Princeton: Van Nostrand.
16. Belloc, H., & Chesterton, S. (2017), *Partijski sistem* [The Party System], Bernar, Stari Banovci, Belgrade (in Serbian).
17. Berdyaev, N. (1996), Nihilism on religious grounds, in: *K.P. Pobedonostsev: pro et contra. Anthology*, RChHI, St. Petersburg, pp. 287–294 (in Russian).
18. Đurković, M. (2019), *Desna misao u XX veku* [Right-wing Thought in the 20th Century], Zoran Stojanović Publishing House, Sremski Karlovci, Novi Sad (in Serbian).
19. Đurković, M. (2022), *Mračni koridori moći* [Dark Corridors of Power], Katena Mundi, Belgrade (in Serbian).
20. Jovanović, S. (1990), *Primeri političke sociologije: Engleska, Francuska, Nemačka* [Examples of Political Sociology: England, France, Germany], BIGZ, Jugoslavija-publik, SKZ, Belgrade (in Serbian).
21. *K.P. Pobedonostsev: pro et contra. Anthology*, RChHI, St. Petersburg (in Russian).
22. Mitić, A. (2013), *Russian Conservative Thought*, PhD Thesis, University of Niš (in Serbian).
23. Ostrogorski, M. (1921), *Demokratija i političke partije* [Democracy and Political Parties], Saint Sava Printing House, Belgrade (in Serbian).
24. Ostrogorsky, M. (1916), *Konstitutsionnaya evolyutsiya Anglii v techeniye poslednego poluveka* [Constitutional Evolution of England During the Last Half Century], Petrograd (in Russian).

25. Pobedonostsev, K.P. (2018), *Velika laž našeg doba* [The Great Lie of Our Time], Bernar, Stari Banovci (in Serbian).
26. Pobedonostsev, K.P. (1996), Moscow collection, in: *K.P. Pobedonostsev: pro et contra. Anthology*, RChHI, St. Petersburg, pp. 80–275 (in Russian).
27. Pobedonostsev, K.P. (1873), Liberty, Equality, Brotherhood [Review of the book by J. Stephen], *Grazhdanin*, no. 35, pp. 958–962; no. 36, pp. 977–979; no. 37, pp. 1007–1010 (in Russian).
28. Polunov, A.Yu. (2007), K.P. Pobedonostsev in the perception of French scientists and publicists, *Otechestvennaya istoriya*, no. 6, pp. 138–144 (in Russian).
29. Polunov, A.Yu. (2010), *K.P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoy i dukhovnoy zhizni Rossii* [K.P. Pobedonostsev in the Socio-Political and Spiritual Life of Russia], ROSSPEN, Moscow (in Russian).
30. Polunov, A.Yu. (2007), Pobedonostsev and the socio-political life of Great Britain (1870s – early 1900s), in: *Konstantin Petrovich Pobedonostsev: Thinker, Scientist, Man: Proceedings of the International Jubilee Scientific Conference dedicated to the 180th Anniversary of the Birth and the 100th Anniversary of the Death of K.P. Pobedonostsev (St. Petersburg, June 1–3, 2007)*, St. Petersburg Metropolia, St. Petersburg (in Russian).
31. Polunov, A.Yu. (1996), *Pod vlast'yu ober-prokurora. Gosudarstvo i tserkov' v epokhu Aleksandra III* [Under the Authority of the Ober-Prokuror. The State and the Church in the Age of Aleksandr III], AIRO-XX, Moscow (in Russian).
32. Polunov, A.Yu. (2018), Religious conservatives of Russia and the West in the struggle against the revolution: F. Le Play and K.P. Pobedonostsev, in: *O wolność i sprawiedliwość: chrześcijańska Europa między wiarą i rewolucją*, Institute of Foreign Philology, Jan Długosz University of Humanities and Natural Sciences, Polish Historical Society, Częstochowa Branch, Częstochowa, pp. 183–191 (in Russian).
33. Smolyarchuk, V. (1990), The evil genius of Russia (K.P. Pobedonostsev), *Pravovedenie*, no. 3, pp. 49–55 (in Russian).